

КУЛЬТУРА

*Л.П. КРЫСИН***Можно ли по речи узнать интеллигента?**

- Тебе звонили.
- Кто?
- Он не представился. Голос такой... интеллигентный.

Из разговора мужа и жены

Один из самых талантливых отечественных лингвистов Е. Поливанов еще в 20-е гг. прошлого века (в совсем "неинтеллигентное" время!) задавался вопросом: что позволяет среди услышанных нами по телефону голосов почти безошибочно выделять голоса интеллигентные? Ведь иногда и слов-то как следует не разобрать, а суждение об интеллигентности голоса мы тем не менее делаем с уверенностью. Сам Поливанов не дал на этот вопрос ответа, указав, однако, характерные фонетические признаки того, что мы можем назвать "интеллигентным голосом" [Поливанов, 1968, с. 232, 235]. Помимо фонетики важны и такие черты речи, которые относятся к м о д у л я ц и и голоса, то есть совокупность его характеристик по высоте и тембру, а также интонационные его свойства. У интеллигентного, образованного, культурного человека эти характеристики и свойства богаче, разнообразнее. Это предположение подтверждается и экспериментально: записанный на магнитофон телефонный разговор предъявлялся испытуемым с заданием определить, кто говорит – человек из интеллигентной среды или из среды простонародной? Чтобы испытуемый не мог опираться на анализ содержания разговора, записанную речь намеренно делали неразборчивой. И все-таки испытуемые почти не ошибались в квалификации голосов, и в частности в выборе голоса интеллигентного.

А есть ли еще какие-либо признаки звучащей речи, по которым мы можем определить интеллигента? Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы должны обратиться к определенному направлению в современной лингвистике, которое условно называется **речевым портретированием**. Специалисты, работающие в рамках этого направления, пытаются создавать либо индивидуальные речевые портреты носителей языка, либо речевые портреты целых социальных групп. Объективности ради надо сказать, что это направление исследований – молодое, и хотя его представители добились определенных успехов, главные результаты, видимо, еще впереди. Посмотрим, чем руководствуются, на что опираются ученые, задаваясь целью создать речевой портрет человека или группы.

Непосредственным толчком к разработке понятия "речевой портрет" явилась идея **фонетического портрета**, выдвинутая в середине 60-х гг. XX в. выдающимся отечественным лингвистом М. Пановым. Эту идею он блестяще воплотил в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых, которые он представил в книге "История русского литературного произношения XVIII–XX вв." (М., 1990). Книга замечательна тем, что из нее мы можем узнать не только об особенностях речи наших современников, но и о том, как говорили люди, жившие в "безмагнитофонную" эпоху, – например Петр I, М. Ломоносов, А. Сумароков... Их фонетические портреты Панов нарисовал, собрав и тщательно изучив их письменную речь – произведения, частные письма, дневники, бытовые бумаги, записки...

Хотя созданные Пановым портреты индивидуальны (описывается манера произношения отдельного, данного человека), их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды (представителем которой является "портретируемый"). Выбирая "модель" для создания фонетического портрета, Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой), наличие локальных речевых особенностей и т.п.

Идея фонетического и, шире, речевого портрета была подхвачена другими исследователями. Появились (и продолжают появляться) работы, в которых делаются попытки создать речевые портреты бизнесмена, ребенка из определенной социальной среды, домохозяйки, ученого, "нового русского"¹... И русского интеллигента.

Об этом и пойдет дальше речь.

Но прежде чем обратиться к речевым особенностям, на которых строится речевой портрет интеллигента, надо решить вопрос: что мы имеем в виду, когда употребляем словосочетания "современный русский интеллигент", "современная русская интеллигенция"? Едва ли найдутся хотя бы два человека, чьи интерпретации указанных словосочетаний совпадали бы полностью. Разногласия возможны и, как показывают наши наблюдения, они реально существуют – и в понимании определения "современный" (конец XX в.? его вторая половина? весь этот век? – в этой статье под современностью я буду иметь в виду вторую половину XX–начало XXI в.), и в понимании того, кто может быть назван "русским". Скорее всего, русский – это русский по культуре, по системе воспитания, а не только по месту рождения и уж, конечно, не только по крови, хотя последнее осмысление слова "русский" делается в современной публицистике все более актуальным, противопоставляясь термину "русскоязычный". Особенно же сложно, противоречиво и изменчиво как во времени, так и от одной социальной среды к другой, понимание слов *интеллигент*, *интеллигенция*. Даже если отвлечься от сугубо качественного осмысления этих понятий² и иметь в виду социальные характеристики интеллигента и интеллигенции, то остаются неясными многие вопросы, относящиеся к статусу этого общественного слоя.

Необходимо сделать существенную оговорку по поводу различий между понятиями "интеллигент" и "интеллигенция". Несмотря на общность основы, эти слова различны по смыслу. Социологи определяют интеллигенцию как слой людей, обладающих определенным уровнем образования и культуры и занятых умственным трудом. А интеллигент – это не просто, так сказать, один "квант" интеллигенции и даже не обязательно представитель этого социального слоя, а человек, обладающий большой внут-

¹ Некоторые из подобных портретов можно найти в книгах [Современный... 2003; Язык... 1989; Язык... 1990].

² Например, А. Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ" дает такое определение: интеллигент – это тот, чьи интересы и чья воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и существуют даже вопреки им. Интеллигент – это тот, чья мысль неподражательна.

ренной культурой. Высшее образование при этом может и отсутствовать, поэтому интеллигента можно встретить и в университетской аудитории, и в заводском цеху, и за штурвалом комбайна. В дальнейшем мы будем говорить в основном об **интеллигенции** как определенном социальном слое в структуре современного русского общества.

Но даже и с этим понятием не все ясно. Например, несомненно, что характер образования – гуманитарное оно или техническое – накладывает отпечаток на человеческую личность, на систему его ценностей. В связи с этим возникает вопрос: гуманитарная и техническая интеллигенция – это один культурный и социальный слой или два разных? Интеллигенция старшего, среднего и молодого поколений – "одна и та же" или же речь может идти о каких-либо качественных различиях между этими поколениями, в том числе и существенными с лингвистической точки зрения (выбор разных языковых средств, различия в тактиках речевого поведения и т.п.)? Интеллигенция Москвы, Петербурга, Тулы, Костромы, Иркутска – это один социальный слой или же надо говорить о локальных различиях, имеющих под собой не только чисто территориальные, но и некие качественные основания? Ограничимся только этими вопросами, хотя очевидно, что ими не исчерпываются неясности по поводу "социального лица" интеллигенции.

Само собой разумеется, что прежде чем браться за создание речевого портрета представителя интеллигенции, нужно решить, каков же наш объект: чей портрет мы собираемся "рисовать"? В связи с только что сказанным представляется разумным следовать принципу **множественности, неоднородности** описываемого объекта – интеллигенции и **неединственности** типичного представителя этого социального слоя. Помня о его неоднородности, разумно различать гуманитарную и техническую интеллигенцию, старшее, среднее и молодое ее поколения (соответственно, это люди, имеющие возраст от 60 лет и старше; от 36 до 59 лет; до 35 лет), территориально маркированные слои интеллигенции, располагающиеся по оси основного противопоставления: интеллигенция главных культурных центров (Москвы и Петербурга, с фиксацией языковых различий между москвичами и петербуржцами) versus интеллигенция средних и малых городов России (с фиксацией речевых различий, обусловленных близким соседством разных территориальных диалектов, которые, несомненно, влияют на устную речь интеллигенции).

Не исключено, однако, что некоторые характерные черты языка и речевого поведения свойственны интеллигенции как социальному слою в целом, в его противопоставлении иным социальным слоям. Естественно, что и такие черты – в качестве штрихов к речевому портрету типичного представителя современной русской интеллигенции – должны быть отмечены. Подчеркну: речь идет именно о ш т р и х а х, а не о целостном портрете.

Укажу наиболее характерные черты, относящиеся к в ы б о р у языковых единиц и употреблению их в речи представителя интеллигенции (или какой-либо из отмеченных выше групп, составляющих этот слой) и к е г о р е ч е в о м у п о в е д е н и ю.

Фонетические, то есть произносительные, черты – наиболее характерный показатель речи человека: вспомним профессора Хиггинса, который именно по этим чертам определял социальную принадлежность говорящего. Кроме того, произносительные и интонационные навыки, которыми человек овладевает с детства, не осознаются самим говорящим, действуют автоматически (в отличие от выбора слова, который часто бывает вполне осознан и взвешен): самоконтроль того, как вы произносите тот или иной звук, в нормальной речи затруднен или даже невозможен. Ведь если вы начнете обращать внимание на звуковую сторону ваших слов и тем самым отвлечетесь от их смысла, то вскоре потеряете нить разговора, и речевое общение нарушится. Стало быть, манера произношения – достаточно объективный критерий, по которому можно судить о личности говорящего.

Однако выявление произносительных особенностей требует специального лингвистического анализа, а изложение результатов такого анализа не может обойтись

без использования соответствующего научного и терминологического аппарата. Чтобы не затруднять чтение этой статьи человеку, чья профессия далека от лингвистики, укажу лишь на одну, но весьма характерную фонетическую особенность, которая до сравнительно недавнего времени считалась безусловно "неинтеллигентной". Речь идет о так называемом "гэкающем" произношении, которое особенно отчетливо проявляется у выходцев из южных областей России. Слова типа *гора*, *гудок*, *гиря* они произносят с горловым (лингвисты называют его фрикативным) "г", в отличие от взрывного "г", которое предписывает произносить литературная норма.

В последние десятилетия наблюдается необычайная экспансия "гэкающего" произношения – как территориальная (с европейского юга России в среднерусские и северные города), так и социальная (от носителей диалекта к носителям просторечия и носителям литературного языка). Споры орфоэпических ригористов и либералов ничего не меняют в динамике этого процесса, и это ненормативное "г" звучит сейчас и из радиоприемника, и с телеэкрана, и с парламентской трибуны. Оно запрещено нормой, но живет реально – в речи носителей литературного языка, в том числе и в речи представителей интеллигенции. Однако оно определенным образом социально распределено в интеллигентской среде: по нашим наблюдениям, этот звук представлен (естественно!) в речи интеллигенции южнорусских городов и в речи технической интеллигенции, происходящей с юга России, но длительное время живущей в Москве или Петербурге. В других территориальных и социальных группах интеллигенции горловое "г" слышится реже – более того, оно здесь явно или неявно осуждается как "неграмотное".

А каковы особенности в выборе лексики, в употреблении слов, в каких-то словесных предпочтениях, характерных для представителей интеллигенции? Вот несколько примеров.

Слова *волнительный*, *волнительно*, несомненно, интеллигентские. И даже не вообще интеллигентские, а свойственные словоупотреблению части этого социального слоя – актерам, театральным критикам, искусствоведам, филологам, отчасти врачам ("избегайте *волнительных* ситуаций", – советовал мне как-то участковый терапевт) и, возможно, некоторым другим группам преимущественно гуманитарной интеллигенции. Помните диалог актера Цветухина и писателя Пастухова в романе К. Федина "Необыкновенное лето"? Цветухин говорит:

"– У меня такое чувство, что мы идем садом, охваченным бурей, все гнется, ветер свистит, и так шумно на душе, так *волнительно*, что..."

– Ах, черт! Вот оно! – ожесточился Пастухов. – Выскочило! *Волнительно!* Я ненавижу это слово! Выдуманное, несуществующее. Противное языку... какая-то праздная рожа, а не человеческое слово..."

Более свежий пример – употребление и восприятие носителями современного русского языка словечка *отнюдь*. Слово это книжное. При этом книжность с наибольшей яркостью проявляется в изолированном его употреблении в качестве ответа-возражения на слова собеседника: – Вы согласны с этим? – *Отнюдь*; – Он собирался выступить? – *Отнюдь*: он и на собрание-то не пошел.

Подобная форма ответов достаточно распространена в интеллигентской речи. Она характерна, например, для Е. Гайдара, и М. Жванецкий в одном из своих выступлений тонко уловил в этом словоупотреблении Гайдара такую примету интеллигентской манеры выражаться, которая может раздражать гайдаровских оппонентов левого толка и даже вызывать у них неприязнь.

Можно указать и другие примеры слов, употребление которых свойственно исключительно или преимущественно интеллигентской речи. Особенно характерен выбор разного рода оценочных и модальных слов и словосочетаний типа *жаль* (но не *жалко*): *Жаль, что вы не поехали с нами*; несомненно и оборот *вне всяких сомнений, непременно, весьма* (а синоним этого наречия – *очень* – вполне нейтральное слово, никак социально не маркированное) и некоторые другие.

Не менее показательны факты **неупотребления**, сознательного или неосознанно-го отвержения каких-либо лексических средств, причем это касается не только слов просторечных, жаргонных или диалектных (во многих ситуациях они как раз могут включаться в речь с различными целями), а слов вполне литературных. Это относится, например, к лексическим новшествам, которые достаточно широко употребляются в языке средств массовой информации или в устно-разговорной речи других социальных слоев и групп. Настороженность интеллигента по отношению к языковым инновациям объясняется определенным консерватизмом культурной речевой традиции. Т. Николаева замечает: "моментальная открытость" интеллигенции "обычно сочетается с речевой консервативностью и отрицательным отношением к языковым новшествам" [Николаева, 1991, с. 72].

Такое отношение наблюдается в среде интеллигенции, например, к идущим из чиновничьего речевого обихода, но широко распространившимся словам типа *подвижка* (произошла **подвижка** по Черному морю и Севастополю), *конкретика* (наполним наши планы **конкретикой** повседневных дел), *обговорить* (этот вопрос надо еще раз **обговорить** на президиуме) и т.п. Как свидетельствуют данные наблюдений, интеллигентской речи подобное употребление "противопоказано": оно отпугивает своей казенностью.

Во многих случаях, однако, имеет место не безусловное неприятие каких-либо лексических и фразеологических элементов, а скорее, их распределение внутри слоя интеллигенции. Так, техническая интеллигенция оказывается более восприимчивой к новшествам, чем гуманитарная; выражения типа: *надо с этим **определиться**; они переехали на новую квартиру и сейчас **обустраиваются**; придется **задействовать** все резервы и т.п.* довольно обычны в среде технической интеллигенции, особенно в речи молодого и среднего поколений (для большинства же "гуманитариев" это – неприемлемый "канцелярит").

Есть слова и обороты, не отягощенные административно-чиновничьим происхождением и соответствующей окраской, однако в известном смысле все же "отмеченные" и потому употребляющиеся лишь в некоторых группах интеллигенции. Так, слово *пригласите*, используемое в общепринятых клише телефонного разговора ("**пригласите**, пожалуйста, *Таню*"), осознается как провинциализм, и представитель интеллигенции – житель Москвы или Петербурга – едва ли употребит эту глагольную форму в приведенном контексте.

Исследователи отмечают, что устная речь современного русского интеллигента в достаточно сильной степени насыщена жаргоном. Особенно характерно это для речи мужчин. Слова и обороты жаргонного происхождения типа *беспредел*, *глухо* (с этим делом у них **глухо**), *в напряге* (мы все были в таком **напряге**!), *врубиться* (никак не **врублюсь**: о чем речь-то?), *вешать лапшу на уши*, *катить бочку* (на кого-либо), то есть безосновательно обвинять, и многие другие звучат и в интеллигентской среде. Но вопрос: в какой именно и в каких ситуациях?

По нашим наблюдениям, такое словоупотребление больше свойственно речи представителей технической интеллигенции молодого и среднего возраста в ситуациях фамиллярного или эмоционального речевого общения: в разговорах с друзьями, с сослуживцами в неофициальной обстановке, в речевых актах обвинения, предъявления претензий, обиды и т.п. В речи гуманитариев старшего поколения такая лексика почти не встречается. (Впрочем, дотошные лингвисты отметили *тусовку* в одном из телевизионных выступлений Солженицына, однако это жаргонное слово было произнесено в отрицательном контексте: Солженицын сказал, что он не участвует во всяких писательских и иных *тусовках*.) Гуманитарии молодого и среднего поколений, если и прибегают к подобного рода выразительным средствам, то в более узком кругу ситуаций и с большим осознанием "чуждости" таких элементов. Это выражается в интонационном выделении их, в "цитатном" характере их употребления, чему служат оговорки типа "как сейчас говорят", "говоря современным языком", "как принято выражаться у новых русских" и т.п.

Теперь несколько слов об особенностях речевого поведения представителей интеллигенции. Одна из характерных его особенностей – умение **переключаться** в процессе общения с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий речи. Эта черта отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые, как правило, не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации. Правильная "привязка" определенной манеры речи к определенным ситуациям общения – необходимый компонент навыка, который называется "владение языком".

Порой распределение языковых средств по сферам и ситуациям общения бывает достаточно жестким и социально маркированным. Например, принятые в культурной среде нормы общения по телефону обязывают того, кому звонят, первым произносить междометие *алло* в микрофон снятой трубки, и запрещают тому, кто звонит, начинать общение по телефону с вопроса: "*Кто это?*" (черта, свойственная носителям просторечия).

Другие начальные реплики телефонного разговора также весьма жестко регламентированы. Рекомендуется, например, сначала представиться самому, а затем поинтересоваться собеседником (предпочтительно в форме: "*Простите, с кем я говорю?*"). Просьба о том, чтобы к телефону подошел именно тот, кому вы звоните, выражается относительно небольшим набором вариантов: "*Можно попросить Иванова*" (*Николая Ивановича, Колю...*)? "*Не могли бы вы попросить (не: пригласить! – см. выше)...*"; "*Можно попросить...*"; "*Попросите, пожалуйста, ...*" и некоторые другие. Но не: "*Иванова, пожалуйста!*"; "*Мне нужен Иванов!*"; "*Иванова!*" и иные подобные формулы. В интеллигентской среде они оцениваются как грубые и потому недопустимые в разговорах по телефону.

В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях: в магазине, в автобусе, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, при общении со случайным прохожим и т.п. Как показывают исследования современной русской разговорной речи, наборы этих формул сравнительно немногочисленны и устойчивы.

Например, обращение к продавцу, к прохожему и вообще к лицу, имени которого мы не знаем, начинается со слов: "*Скажите, пожалуйста...*"; "*Простите...*"; "*Не могли бы вы сказать...*". В этих формулах, естественно, присутствует некая "безличность", невыраженность свойств адресата, да и сам он крайне редко фигурирует под именами *гражданин* или *господин*. Чаще других употребляется обращение *девушка*, но оно ограничено полом и возрастом адресата, да и социальными характеристиками самого говорящего (например, ребенок не может обратиться к женщине-продавцу, используя это слово). Обращения *мужчина*, *женщина*, *дама* – элементы просторечного, не принятого в интеллигентской среде общения.

Многие из форм обращения либо не принимаются интеллигентской средой, либо внутри нее ограничены определенными группами говорящих. Например, обращение *коллега* принято – да и то в более или менее официальной обстановке – в среде медиков, ученых; *ваши преосвященство*, *ваши святейшество*, *владыка* – при обращении к иерарху церкви; слово *профессор*, хотя и возможное при обращении студента к преподавателю, используется редко, поскольку предполагается, что студент должен знать имя и отчество своего преподавателя (однако иностранные студенты часто используют именно этот, удобный для них способ обращения, избавляющий от необходимости запоминать непривычные для иностранца русские сочетания имен и отчеств).

Многочисленные просторечные и жаргонные формы личного обращения, в которых используются термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, именующие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола, – *папаша*, *мамаша*, *дед*, *дедуля*, *бабуля*, *отец*, *мать*, *дочка*, *сын*, *брат*, *браток*, *братан*, *сестренка*, *друг*, *кореш*, *земляк*, *шеф*, *начальник*, *хозяин*, *хозяйка*, *командир*, *мужик*, *парни*, *девки* и др., – как правило, не используются говорящими из культурной языковой среды, хотя к употреблению их в речи собеседника представи-

тели интеллигенции относятся более или менее терпимо (за исключением форм, несущих на себе печать низкой культуры или чуждой социальной среды, типа *мужчина, женщина; братан, кореш; мужик, шеф, командир*). Н. Ильина писала по этому поводу: «...мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! "Улица корчилась безъязыкая" и, помучившись, выход нашла. "Женщина! У вас чулок порвался! Мужчина! Сдачу забыли!" Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем заменить их, чем?» [Ильина, 1995, с. 447].

И еще об одной особенности речевого поведения представителей интеллигенции надо сказать. Современный человек в процессе общения часто использует разного рода "готовые", не создаваемые в данной ситуации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами, при условии, что эти тексты известны и собеседнику. Лингвисты называют такие готовые, "цитатные" языковые средства *прецедентными*: они родились раньше, до данного акта речи, представляют собой определенный текстовый и культурный прецедент. Например, это имена *Магомед, Иуда, Гамлет*, высказывания типа "*И ты, Брут...*", "*В России две беды: дураки и дороги*", "*Позвольте вам выйти вон*" и т.п.

Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в интеллигентской речи в качестве символов определенных человеческих свойств – скупости (*Плюшкин, Гобсек*), ума и разносторонних знаний (*Ломоносов*), смелости и самопожертвования (*Иван Сусанин*), самодурства (*Салтычиха*), беспочвенной мечтательности (*Манилов*)... При этом, поскольку такие имена служат своего рода эталонами указанных свойств, они часто употребляются в сочетании с квалификаторами типа *настоящий, вылитый, классический*, с модальными наречиями и частицами *просто, прямо, прямо-таки* и некоторыми другими: "*Он настоящий Плюшкин: у него зимой снега не допросишься*"; "*Ты все мечтаешь, а ничего не делаешь, – просто Манилов какой-то*"; "*Свекровь у нее – прямо Салтычиха*" и т.п.

Цитаты из литературных произведений весьма характерны для речевого общения интеллигентных носителей языка. Формы и способы цитации зависят от степени социальной и психологической близости собеседников, от характера коммуникативной ситуации и ряда других факторов. Основным условием для реализации возможности процитировать какое-либо произведение (или наметнуть на то или иное место в его тексте) является общность некоего культурного фона и, более конкретно, знание и говорящим, и его собеседником данного произведения, оценка его как такого, которое часто служит источником расхожих цитат. Это позволяет говорящему вводить в свою речь элементы, которые, как он уверен, должны быть узнаны и правильно интерпретированы собеседником. Таковыми могут быть, например, цитаты типа: *быть или не быть* (и многообразные обыгрывания этой формулы: *бить или не бить, пить или не пить, шить или не шить* и т.п.); *служить бы рад – прислуживаться тошно; а воз и ныне там; сижу, никого не трогаю, починяю примус* и т.п. Часто такого рода цитаты сопровождаются языковой игрой – сознательным обыгрыванием формы или смысла используемых средств.

Для интеллигентской среды, в особенности для "гуманитариев", характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, эксперименты с его звуковым составом, с внутренней формой, установление мнимых связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. – иначе говоря, языковая игра во всех ее обличьях. Разумеется, разным людям это присуще в различной степени. Не исключено и полное отсутствие у того или иного человека чувства юмора, языкового вкуса, неумение вслушиваться в звучание слова и вдумываться в его настоящий или мнимый смысл. Но более или менее очевидно, что в массе своей именно *образование и культурные* носители языка в наибольшей степени склонны к языковой игре. В. Санников, автор замечательного исследования "Русский язык в зеркале языковой игры", рассматривает языковую игру применительно только к литературному языку и подчеркивает, что она "основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц" [Санников, 1999, с. 15], что "это всегда непра-

вильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим" [Санников, 1995, с. 67]. Литературные цитаты, анекдоты, расхожие каламбуры и при словья, остроты рассчитаны на творческое восприятие языка, на умение всматриваться и вслушиваться в слово, вдумываться в его смысл. А это как раз и характерно для речевого поведения типичного представителя интеллигенции.

Один из наиболее распространенных видов языковой игры – шутки, основанные на искажении или распространении известных фразеологизмов и литературных цитат: *работать не прикладывая рук* (вместо *не покладая*), *гнать каленой метлой* (намеренное объединение двух выражений *выжигать каленым железом* и *новая метла чисто метет*); *в этом деле он съел не одну собаку*; *что-то я не в шутку занемог*; ну, что – бум меняться дежурствами? (*бум меняться* – из известного сюжета фильма "Волшебная сила искусства" в исполнении А. Райкина); *а у нас с собой было* (с этими словами говорящий достает из портфеля чистую бумагу, сама же эта фраза – из рассказа Жванецкого и подразумевает наличие у собеседников спиртного); *у них то и дело воду отключают*. – *Зато сухо* (вторая реплика – из известной телевизионной рекламы детских памперсов) и т.п.

Заканчивая статью, хочу сказать: задача ее состояла, разумеется, не в том, чтобы представить целостный речевой портрет современного интеллигента, а в том, чтобы показать, какими путями идут лингвисты, исследуя такие факты речи, которые могут служить определенными штрихами при создании подобных портретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильина Н.И. Уроки географии // Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М., 1985.
- Николаева Т.М. "Социолнгвистический портрет" и методы его описания // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики. Доклады всесоюзной научной конференции. М., 1991.
- Поливанов Е.Д. Фонетика интеллигентского языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Язык и личность. М., 1989.
- Язык: система и подсистемы. М., 1990.